

ДЕВОЧКИ СМЕНЮТСЯ

АЛЛА МИХАЙЛОВА
Писатель, сценарист, блогер.
Родилась в Уссурийске
(Приморский край), окончила филологический факультет Челябинского государственного педагогического института, живет в Москве.

Выпускница школы писательского мастерства CWS, участница Дальневосточной резиденции Дома творчества «Переделнино». Публиковалась в журнале «Пашня», газетах «Молодой дальневосточник», «Молодой учитель», «Аргументы и фанты».

В детстве я была очень смешливой. В школе меня, отличницу, постоянно выгоняли из класса. Словами «выйди, просмейся» можно было спокойно подписывать дневник и тетрадки – все бы и без фамилии догадались, кому они принадлежат.

Первое время учителя, проходившие по коридору, грозно интересовались, что это я тут делаю, пока другие учатся. Потом все привыкли. «Здравствуй!» – «Здрате, Марьиванна». – «Опять смеялась?» – «Опять, Марьиванна». На этом воспитательная часть беседы заканчивалась.

Не всегда удавалось вернуться в класс с первого раза, когда обо мне, царапающей оконную замазку в коридоре, наконец вспоминали. Стоило переступить через порог, как смех начинал пузыриться внутри, ударял в голову газировкой и вырывался наружу. «Выйди, просмейся», – со вздохом говорила учительница, и все начиналось сначала.

«Смешинка в рот попала», «пальчик покажи – она и закатится» – я была из таких. Правда, попытки одноклассников «показать пальчик» быстро провалились: шутники рассмешили меня в столовой и долго хлопали белыми ресницами под хохот окружающих, потому что пошутили они, когда я доедала сметану.

В старших классах за дверь я оказывалась уже не одна, а вместе с Катей Быстрицкой. Старательная Катя обычно держалась до последнего, но когда все-таки начинала смеяться, то одновременно еще и раскатисто прихрюкивала. Я очень любила Катю смешить, и часто за дверь выставляли обеих.

Найти нас в школе было легко: мы смеялись. Я фыркала, Катя прихрюкивала – у нас был идеальный тандем.

Не могли мы расстаться и после школы. Доходили до перекрестка, где останавливался Катин трамвай, и начинали смеяться. Мимо проносились автобусы, один за другим притормаживали и уезжали трамваи, светофор жонглировал красным и зеленым. Мы то утопали в потоке пешеходов, перекрикивая толпу и гудки машин, то оставались посреди улицы одни, будто на берегу внезапно обмелевшей реки, и смеялись...

Я люблю этих девочек на перекрестке: высокую, тоненькую Катю и круглолицую, хохочущую себя. Иногда мне кажется, что мы до сих пор там стоим: то залитые светом, как в янтаре, прошитом солнечными нитями, то почти неразличимые, словно на выбеленном от времени моментальном снимке.

Мы стоим и смеемся, стоим и смеемся... И не догадываемся о том, что приготовила жизнь, что ожидает нас за этим перекрестком...

Я люблю этих девочек
на перекрестке:
высокую, тоненькую Катю
и круглолицую, хохочущую
себя. Иногда мне кажется,
что мы до сих пор там
стоим: то залитые светом,
как в янтаре, прошитом
солнечными нитями, то
почти неразличимые, словно
на выбеленном от времени
моментальном снимке.

Когда-нибудь, лет через тридцать-сорок-пять-десять, мне бы хотелось снова оказаться с Катей на том перекрестке. И чтобы мимо так же проносились машины, громыхали трамваи, накатывали и отступали волны пешеходов. А мы с Катей, оставив позади грохочущую, полную радостей-печалей-любви и сумасбродства, мужей-детей и внуков-правнуков, прекрасную-прекрасную-прекрасную-прекрасную жизнь, стояли и смеялись, стояли и смеялись...

И не боялись последнего перекрестка.

